• *Театр—это театр*

Эрос-влечение к жизни

Прав был тот, кто сказал: «Не так все течет, как все меняется». Причем меняется стремительно... Как в самый сильный шторм нас бросает из одного конца в другой, из одной крайности в другую. Давно ли лежали мясистыми запреты на самый невинный поцелуй в фильме, давно ли легкое прикосновение рук расценивалось как верх непристойности? И что же теперь!! Сексуальная революция, впрочем, то, что происходит у нас, давно революцией не называют. Это какая-то хаотическая суета, хаос, бедлам навалились на неподготовленные, «застенчивые», удивленные, но обаятельные умы и тела советских людей.

За сравнительно короткий срок эта сексуальная заваруха прошла несколько этапов — от первых робких попыток решительного снятия всех и всяческих табу — до «хеллоя» и откровеннойديدستويني самых интимных сцен. И теперь — обезумевший взгляд назад и полный страха — вперед.

Лавина порнографии, спектаклей, сексыстов, конкурсов, эротических шоу и театров...

А вслед за ними — огромное количество критических статей самых разных оттенков — от серьезной академической критики до злых сатирических насмешек, и, наконец, до самых категорических, обоснованно - встревоженных требований — прекратить, запретить!

«Любовь и голод правят миром.

Голод приближается, а в силе ли любовь, жива ли?!

Что есть любовь? Что есть секс и эротика? Смотрю: словарь Ожегова: «Секс — все то, что относится к половой жизни». Довольно абстрактно. В советском энциклопедическом словаре: «Секс — совокупность психических реакций, переживаний и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения». В словаре иностранных слов 1964 года издания я и вовсе не нашла этого слова, несмотря на его иностранное происхождение... Трудно дать определение, инкинуть в суть того, что так долго было под запретом, а нынче навалилось, как гром среди ясного неба. И можно понять театры, которые, улавливая всеядозволенность, ошарашивают зал «семейными» выходками и приемами. Театр перестал быть массовым популярным развлечением, и появление многочисленных голых тел можно расценивать как попытку хоть чем-то привлечь зрителя.

Театр в явной растерянности. Его могучие конкуренты — кино и видео — крепнут и набирают силу с каждым днем.

Как в такой ситуации живет и творит наш театр драмы — Русский академический имени Н. К. Крупской? Будучи живым и чутко ощущающим сегодняшний день организмом, он не может не впитывать в себя все происходящее, не может не реагировать. По этому поводу мы попросили поделиться своими мыслями художественного руководителя, театра Владислава Борисовича Пази.

— В театрах сейчас прослеживается тенденция, или, скажем так, особый интерес к проблемам секса, отношения полов. Как это расценивать: как прикмету, как дань моде, или как неизбежность, продиктованную самой жизнью?

— Интерес этот вполне объясним. Потому что очень долгое время тема эта была одной из самых табуированных, она была искусственно загнана и заперта. А ведь эротика, как одно из проявлений любви, всегда составляла предмет искусства. Другое дело, что искусство-то на этой почве не всегда рождается. Снятие табу, всеядозволенность часто превращают интерес в спекуляцию. Честно говоря, настоящего разговора на эту тему пока и нет. У нас, к сожалению, особенно в кинематографе, идет речь о самом примитивном физиологическом сексе, а эротика — это понятие, связанное не только с телом, но и с духом.

Что касается нашего театра в частности, не могу сказать, что мы поставили какой-то спектакль, который бы исследовал непосредственно эти проблемы. Идет спектакль «Звезды на утреннем небе»...

...Спектакль «Звезды на утреннем небе» заставил нас опуститься на дно жизни, то, от чего мы так долго отворачивались... Анна, Лоран, Марта... Трагедия женщин, надломленных, поруганных жизни, взаимодействия в глазах...

— Не думаю, что там есть подлинная эротика, возвышающая, но есть нечто завуалированное, искаженное, оплеванное. Если это и эротика, то она представлена в спектакле, как и в жизни, в самом извращенном задавленном виде.

Спектакль «Смотрите, что пришел!» исследует в общем-то проблемы нравственные. Но вот отношения героя и героинь — Книга и Алины... Эти два человека пытаются как-то самоутвердиться через отношения эротическое. Это их ничего не принюхит, потому что любимо-то нет. Что-то возникает между ними, что-то, чему они не дали по-настоящему расцвести. Все это приводит к трагической развязке, они глубоко несчастны...

Известный австрийский ученый-психолог Зигмунд Фрейд говорил об извечной борьбе двух мировых сил **ЭРОСА — ВЛЕЧЕНИЯ К ЖИЗНИ И ТАНАТОСА — ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ.** В нашей стране только лет проклинали и запрещали фрейдизм, а между тем в наследии Фрейда многое является истинным. И в реализации человеческой личности очень большое значение имеет то, что связано со сферой интимных, эротических отношений. Часто эта сфера влияет на жизнь. В какой-то мере наша закомплексованность в этом плане отражается даже в политике. И, может быть, чаще, чем где бы то ни было. Природу неоднородные амбиции политических карьеристов часто следует искать здесь. Вот в спектакле «М. Баттерфлай», который я ставлю сейчас, исследуются эти проблемы более основательно и глубоко. Одна из героинь даже разражается целой тирадой по поводу того, что мужом правит кучка мужчин, закомплексованных в этом плане (ну, она покрупче выражается).

Не могу сказать, что до этого спектакля мы поставили что-либо достойное глубины и важности темы. Но даже, если мы и касаемся в какой-то мере этих проблем, то это не в каком случае не попытка занимать публику, потому что глубоким разговором на эти темы ее не очень-то заманишь. Люди просто пойдут в видеосалон, и там им покажут порнографию в чистом виде. И тут мы конкурировать не способны, и, собственно, не собираемся. А вот художественно исследовать эти проблемы, как-то прикоснуться к ним мы, конечно, пытаемся. Ведь для нас эта тема не привычна, нова, мы сами еще не имеем художественного языка, чтобы разговаривать об этом на полном серьезе и во весь голос.

— А какой спектакль можно назвать сексуальным или эротическим? Есть ли он у нас?

— У нас в стране я ничего подобного не видела. Ну, разве «Служанки» Р. Виткока. Но на Западе есть спектакли, которые исключительно этому посвящены. Я видела такой спектакль в Лондоне. Это знаменитое секс-шоу «О! Калькутта!», одним из создателей которого был Кеннет Тайен, очень серьезный английский театровед и филолог. Я эту постановку смотрел довольно давно. У нас тогда и не слыхивали ни о чем таком. Спектакль мне не понравился. А был местами пошлый, местами грязный. Хотя намерения авторов были самые серьезные — они пытались художественно исследовать разные стороны эротических переживаний человека... Но тем — это особое искусство. В театре все происходит здесь и сейчас. Это главное его родовое свойство. Одно дело, когда я кино смотрю, обаятельные тела артистов, и мы смотрим все это на пленке. И другое дело, когда живые, реальные актеры оказываются сейчас перед нами. Совсем разные впечатления, совершенно иное воздействие на зрителя. В театре это воздействие подчас гораздо более острое, но подчас гораздо более неприятное. Для меня в «Калькутте» было самое неприятное, когда натуралистически имитировался половой акт. Во-первых, это было неправда, а во-вторых, мало актеров, которые вынуждены были этим заниматься. В спектакле были очень яркие, талантливые куски, но не так много, зато было много такой имитации, и она была отвратительна. Но, говорят, есть в этом жанре и художественные достижения.

Сам я вряд ли когда-нибудь займусь созданием настоящего эротического спектакля. Да, собственно, меня эта задача и не увлекает. А вот исследовать влияние и место эроса в жизни человеческого духа — это очень интересно. И мы пытаемся это сделать. Сейчас у нас выходят три новых спектакля, которые в разной степени на первый взгляд связаны с эросом, хотя на самом деле это не совсем так.

Скажем, недавно состоялась премьера «Трехгрошовой оперы» Бертольда Брехта. Там есть место действия — публичный дом, а среди действующих лиц изночных куртизан, как их называет герой. Но Брехт, конечно, не в той мере не ставил своей целью создание эротического театра. И у нас в спектакле этого тоже нет. Но атмосферу подобных мест и заведений мы должны были и попытались создать. У нас в театре достаточно много красивых актрис, которых мы можем эффектно одеть, и в какой-то мере коснуться этой темы, но только в контексте пьесы. Здесь говорится о женском теле, как о товаре, который продается и покупается, что влечет за собой всеобщую продажность не только тел, но и душ. Пафос пьесы заключен в брехтовском зонге «Сначала хлеб, а нравственность потом». Он звучит сегодня весьма актуально. Как можно требовать нравственности от народа, живущего в недостойных человека условиях!!

Сейчас мы ставим отечественную сатирическую комедию Олега Ернева «Когда спящий проснется». Это очень смешная и очень злая пьеса, о полной нашей заторможенности от жизни, о полной неспособности отличить одно от другого, отсутствие целей. Там, как в классической комедии положений, мешаются любовники, происходят путаница, много связано с постелью, есть даже обнаженная натура. Но опять же, никакой любви там нет. Это просто собачья свадьба какая-то. Здесь мы пытаемся высмеять самый примитивный секс, даже не животный, потому что животный секс — рада продолжению рода, а это просто глупенький дурацкий спорт. Вот бывают водные процедуры, а это сексуальные процедуры. Здесь тоже нельзя по-настоящему говорить об эросе.

И, наконец, еще одна пьеса, которую мы ставим на малой сцене — «М. Баттерфлай» Д. Хуана. Автор ее — американский драматург китайского происхождения. Это бродвейский хит, который с успехом идет по всему миру. Эта вещь только-только переведена на русский язык. Пьеса неправильная для нас, в какой-то степени даже эпатирующая. Там все очень парадоксально. Я на буду пересказывать сюжет, потому что там есть элементы детектива, и если я рассказу заранее, будет просто неинтересно. Вот в нем-то как раз очень много говорится о том, какое влияние эроса на личность человека, как он может эту личность деформировать. Все это завязано в таком странном и причудливом узле. Пьеса эта о редкой, всепоглощающей любви и о нашем стремлении жить иллюзиями, когда реальность нас пугает. Там очень много и других интересных тем, в частности, связанных с философским осмыслением взаимоотношений Востока и Запада. Даже проходит такая мысль, что в этих отношениях есть тоже что-то, напоминающее отношения мужчины и женщины. И хотя эта мысль скорее обратная, чем логическая, но в ней есть большая доля правды. Мне представляется, что эта пьеса, при своем эпатирующем своеобразе, неправильной для нас степени отношения ценности, очень глубока и достойна внимания, и серьезного размышления над проблемами, которые она затрагивает. Кроме того, это повод для очень красивого спектакля.

— А как можно эротические эпизоды решать в условиях сцены, театрального искусства? В этом смысле у кинематографа больше возможностей.

— Самыми разными способами... Художественно их надо решать. Был у нас такой спектакль, пользовавшийся огромной популярностью, поставленный по самой эротической книге в мире. Я говорю о «Декамероне» Джованни Боккаччо...

...«Декамерон» ушел от нас навсегда, утих его искрометный юмор, его истинная тематика, его блестящий импровиз, его светлая радость и вдохновение, праздничность, жизнелюбие и доброта.

— Все зависит от художественной системы, в которой решается спектакль, от его закона. В «Декамероне» художественным законом было нахождение игрового театрального эквивалента событию. И мы его находили, каждый раз новый, в каждой новелле. Это приводило дополнительный юмор этим историям. Надо сказать, что ставили мы этот спектакль в самые суровые времена, одинадцать лет назад. И единственная история, которая была измарована начальством, это новелла «О дьяволе и аде», одна из самых чудных новелл, которую очень любили и хорошо играли артисты. И что интересно — нам никто не запретил появление обнаженного тела, но категорически запретили текст Боккаччо. Слова... мы все жутко боимся слов, чаще больше, чем поступков... Сыграли мы эту новеллу один - единственный раз в Семипалатинске на премьере. Я помню гробовую тишину в зале, скрипение кресел и испуг зрителей, потому что они совершенно не были подготовлены к такому разговору. Испуг, а по завершении новеллы — восторг. Она получилась удивительно чистой и красивой.

Так что решать эти сцены можно разным образом — главное, чтобы это было художественно. Если это уникает артистов и зрителей, это перестает быть искусством. Эротические отношения, переживания — это сложнейшая вещь. И то, как показывать любовь, ее эротическую сторону — это проблема мирового искусства. Лучше всех, на мой взгляд, это сделал Родин.

— В «Советской культуре» в рубрике «Театр: прогноз на сезон» была статья критика А. Свободина, которая выдвинул версию, что в этом сезоне «усилятся» сексуальные мотивы... И уровень театра здесь будет определяться уровнем «эстетизации секса». Каково ваше мнение на этот счет?

— Я с ним совершенно согласен. Во времена, когда жить тяжко и даже страшно (а мы переживаем именно такое время) люди всегда ищут убежища в любви. Уровень театра будет определяться уровнем эстетизации секса, то есть театр, конечно, не ограничится только этой темой. Но ведь это всегда живет в человеке, очень многое в человеческих отношениях определяется этим. Знаете, я учился у замечательного профессора Р. Г. Суслонова. Вот он всегда начинал разбор любой пьесы с того, кто к кому имеет какой интерес. Ну, он более грубо выражался. Мы ему говорили: «Рафаил Рафаилович, ну есть же пьесы политические, производственные». А он возражал: «Это на время. Маркс — тоже мужчина...

И мой опыт работы в театре подсказывает, что он был прав — в основе поступков человека много от желания любви. Этого может не знать зритель, это может потом не войти в спектакль, но, когда мы с актерами разбираем психологию персонажа (а мы обязаны вгрызаться в нее очень глубоко), то, безусловно, мы внедряемся и в эту, самую интимную сферу человеческого бытия. И у нас на репетициях иногда посторонний человек может присутствовать себя просто неловко. Я не хочу сказать, что все исчерпывается только эротическими отношениями. Но и без них тоже невозможно, если мы пытаемся восстановить человеческие отношения. На наших плакатах радуются жизни бесполые эгоизмастеры.

— А вот, скажем, что вынесет зритель после таких спектаклей, как «М. Баттерфлай», «Когда спящий проснется», — с какими мыслями и чувствами зритель покинет зал, зависит это от театра или от зрителя?

— С чем он уйдет зависит и от того, и от другого. Театр может вывернуться наизнанку, но если человек эстетически глух... С другой стороны, если театр не находит зрителя, он гибнет. Зритель — это одно из слагаемых театрального зрелища. И уж если сегодня я говорю о том, что касается двоих, продолжу эту тему и скажу, что театр и публика — это тоже роман, который должен развиваться по каким-то своим законам, и будет удачным при условии, если он не только будет учитывать свойства другой. Впрочем, это касается не только театра, а любого другого вида искусства. Здесь диалектическая связь.

— Когда театр берется за такого рода тему, его подстерегает опасность переступить зыбкую грань между искусством и антикультурой...

— Да вы правы. И это каждый раз надо для себя заново. Ну, вот-вот, художники должны восполнять свой вкус. Если вы изменяет вкус, то он сорвется. Во-вторых, он должен ставить перед собой не рыночные задачи, а эстетические. Если он ставит перед собой эстетические задачи, то тогда уже все зависит от меры его вкуса. Впрочем, все это очень относительно.

Вообще, искусство, исследуя жизнь, должно давать надежду. Даже в самых трагических вещах, даже в пожарных спектаклях, ужасные стороны жизни, искусство должно оставлять надежду, создавая произведения подлинно художественные, потому что это, надеваюсь, уже в какой-то степени, теряет свою силу.

Театр, искусство вообще, не должны лишать людей последней силы. На Западе столкнулись с подобными проблемами: когда все сто было можно, возникли сексальные клубы, подобные секс-шоппы. Например, в Париже, где в недавно побывал, целые улицы, рынки, всякие зрелища, полные разнообразным сексом. И все это нельзя отнести к искусству ни в какой степени. Так вот, там поняли — все это неизбежно ведет к тому, что истекают жизненные силы, что люди тратят свою энергию на глупые забавы, а на на подлинно эротические вещи. Все секс-шопы — аттракционы для туристов. Искусство должно возвышать душу, в том числе и в эротической сфере.

— Показать, как и что есть на самом деле — этого достаточно, или нужно попытаться вскрыть какие-то истоки, или может быть, понять, как должно быть, каким должен быть человек?

— Показать, каким человек должен быть, театр невозможно, ибо это нужно наводимо, ну, кроме наших предпосылок, подавителей научного коммунизма. Существуют некие идеалы человеческие, нравственные, которыми художник в своем творчестве руководствуется. У нас в стране, более, чем где бы то ни было, набили руку в искусственной инкубации положительных героев. Где они сейчас!!

Человек противоречив, и это должен показать театр. Он может исследовать сегодняшнее состояние человека, показать есть ли лучше. Но сделать театр никогда не даст, даже если очень будет стараться. Он просто станет скучным и нудным. А вообще-то, театр должен людей развлекать, и, развлекая, проповедать нравственные законы и законы художественные. Вот его главная задача, как и всякого другого искусства.

— Как-то в интервью актер вашего театра, народный артист СССР Л. Л. Яснковский, сказал: «Я участвовал в драме в последнее время загоняли... Но чем это объяснить? Да приде всего репертуарой, который нам художественный руководитель В. Пази удачно «подгонял» под городскую аудиторию». Вы согласны с его словами?

— Я должен сказать, что Яснковский живет во Фрунзе много лет. И пережил здесь массу разочарований, потому что город этот никогда не отличался большой любовью к театру. Не исключаю он ею и сейчас, к сожалению. И хотя взаимоотношения театра и публики в последние годы относительно благополучны, какая-то доля правды в том, что сказал Леонид Лазаревич есть. Формируя репертуар, с одной стороны, мы ставим то, что мы хотим, иногда нас не заставляет ставить то или иные вещи. Но, с другой стороны, мы стараемся и просто обязаны учитывать запросы, интересы наших фрунзенских зрителей. К примеру, за все годы, что я здесь работаю, мы не поставили (за что часто и справедливо упрекают) ни одной русской классической пьесы. Хотя у театра есть огромная потребность в этом, и есть в этом насущная необходимость. Формального театрального организма. Но в эти годы у нас была задача завоевать зрителя, мы понимали, что у нас на классику, кроме небольшого отряда интеллигенции, которая тоже по ней очень соскучилась и ждет ее от нас, много не придет, мы к ней рискнули. Может быть, мы ошибаемся, и дай Бог, если это так, потому что мы как раз сейчас собираемся этим заняться. Но опыт других городов показывает, что безобразное преподавания русской литературы в советских школах привело к идиосинкразии, новоприимости нашей публики к русской классики. За границей А. Чехов — один из самых кассовых драматургов, на спектакли по его пьесам нет толпы. А у нас многие считают, что ничего скучнее нет...

— Есть такая опасность — прослыть конъюнктурщиком. Вы не не боитесь?

— Нет. Я такой опасности не чувствую, а прослыть конъюнктурщиком не боюсь. Потому что я... — не конъюнктурщик. Что такое конъюнктура? Понятие торговое. В искусстве конъюнктура — это успех, достигаемый не за счет художественных достижений, а какого-то другому. Раньше это был, главным образом, успех для начальства. Тут мне себя я в чем уверенность. Сейчас необходим коммерческий успех. Но из всех спектаклей, которые принесли нам признание зрителей и успех, нет ни одного, которого не имел бы никаких художественных достоинств.

Однако сейчас в без публики остаться смерти подобно. Поэтому наше зрительное равновесие между тем, что интересно нам и что интересно зрителям. В этом нет никакой конъюнктуры, но, во всяком случае, ничего сладкого.

— Часто говорят: «Театр — это храм», «Театр, — это трибуна». А что, по-вашему, сегодня театр?

— Театр — это не храм и не трибуна. Театр — это театр. И этого вполне достаточно. Он имеет абсолютно отличительные качества от всего, что есть на свете — он может быть чем угодно, может «изобразить» на себя храм, трибуну, навозный, усыпальницу или, наоборот, — карнавал, базар... И при этом он всегда останется театром. Все эти определения, эпитеты, на мой взгляд, неудачны. Мне ближе высказывание Томаса Манна: «Театр — это место, где толпа превращается в народ». Здесь все сказано о возможностях театра.

М. БАРШАЙ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Трехгрошовая опера» Б. Брехта — «ночные куроченки».

Фото В. КИРИЕНКО.